

**ТУНГУСКА.
ПУЛЬС ЗЕМЛИ**

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

18+

Денис Пожидаев

Тунгуска: пульс Земли

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Тунгуска: пульс Земли / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Экспедиция из пяти человек отправляется в эпицентр Тунгусской аномалии, чтобы предотвратить неминуемую катастрофу. Но зона отчуждения не терпит чужаков. Здесь мертва электроника, искажается пространство, а невидимое давление сводит с ума, превращая собственные органы чувств в предателей. У них нет связи, подкрепления и права на ошибку. Жесткий научно-фантастический триллер о выживании в месте, где отменены законы физики, а главным врагом становится твой собственный разум.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ионизация	6
Глава 2. Синхронизация	9
Глава 3. Зона отчуждения	13
Глава 4. Пучности	16
Глава 5. Тета-ритмы	19
Глава 6. Эхо «Глубины-Т»	23
Глава 7. Сенсорная сеть	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Денис Пожидаев

Тунгуска: пульс Земли

Тунгуска: пульс Земли

Денис Пожидаев

Оглавление

Глава 1. Ионизация

Глава 2. Синхронизация

Глава 3. Зона отчуждения

Глава 4. Пучности

Глава 5. Тета-ритмы

Глава 6. Эхо «Глубины-Т»

Глава 7. Сенсорная сеть

Глава 8. Частота страха

Глава 9. Пьезоэффект

Глава 10. Топографический распад

Глава 11. Черный базальт

Глава 12. Слепое пятно

Глава 13. Таймер

Глава 14. Периферия

Глава 15. Разлом

Глава 16. Статистическая потеря

Глава 17. Акустическая линза

Глава 18. Статика

Глава 19. Распад системы

Глава 20. Вторжение

Глава 21. Имитация

Глава 22. Геологическое время

Глава 23. Короткое замыкание

Глава 24. Изоляция

Глава 25. Противофаза

Глава 26. Удар

Глава 27. Вакуум

Глава 28. Стекло

Глава 29. Отсрочка

Глава 1. Ионизация

Тайга никогда не молчит.

Даже в самый глухой предрассветный час, когда туман цепляется за лапы кедров, лес живет. Скрипит кора, возится в прелой хвое мелкий грызун, тяжело дышит влажная земля, перекачивая воду в невидимых подземных руслах. Эвенк знал этот язык с рождения. Он читал его ступнями сквозь мягкие подошвы унтов, кожей лица, волосками на затылке. Тайга была понятной. Тайга была домом.

Но сегодня утром дом умер.

Охотник остановился, вскинув руку. Идущий следом русский купец тяжело впечатался сапогами в мох, едва не налетев на него со спины.

— Чего встал? — хрипло выдохнул купец, утирая потное, искусанное гнусом лицо. Металлические пряжки на его тяжелом коробе звякнули.

Охотник не ответил. Он смотрел на собак.

Три взрослые, матерые лайки, не боявшиеся ни медведя, ни сохатого, не просто остановились. Они рухнули на землю. Вожак, крупный кобель с порванным ухом, вжался брюхом в мох, накрыл морду передними лапами и тихо, на одной скулящей ноте, завыл. Две другие собаки просто дрожали, закрыв глаза. Их была крупная дрожь, словно при жесточайшей лихорадке.

Эвенк медленно опустил на корточки, потянулся к вожаку. Шерсть под его пальцами была жесткой, сухой и неестественно горячей.

И тут он понял, что именно изменилось.

Воздух стал тяжелым, как вода. Исчез ветер. Исчез комариный писк. Не было слышно ни единой птицы. Тишина была не просто отсутствием звука — она давила на барабанные перепонки, вдавливала их внутрь черепа, вызывая глухую, нарастающую боль.

Вместе с тишиной пришла тошнота. Густая, поднимающаяся от самого желудка к горлу.

— Эй, немой, я кому говорю! — голос купца прозвучал странно. Глухо, словно сквозь толстое сукно, хотя между ними было не больше двух шагов.

Охотник сглотнул вязкую слюну. Во рту появился отчетливый, резкий вкус крови и старых медных монет. Он потер челюсть. Корни зубов ныли. Кости черепа мелко, едва уловимо вибрировали, словно он прижался щекой к стволу дерева, в которое ударила молния.

На периферии зрения что-то дернулось.

Охотник резко повернул голову. Между двумя кривыми лиственницами метнулась черная, рваная тень. Он вскинул винтовку, моргнул. Никого. Только неподвижные стволы. Но стоило ему отвести взгляд, как тени снова заплясали по краям глаз — быстрые, ломаные, текущие. Лес вокруг словно начал распадаться на фрагменты. Мозг кричал об опасности, но тело отказывалось повиноваться. Ноги стали ватными. Вестибулярный аппарат потерял горизонт — эвенку на секунду показалось, что земля накренилась под углом, и он сейчас соскользнет в небо.

— Да что за бесовщина... — пробормотал купец позади. В его голосе больше не было раздражения. Только липкий, просыпающийся страх.

Охотник обернулся.

Купец стоял, уставившись на латунный компас в своей широкой ладони. Стекло прибора мелко дрожало. Намагниченная стрелка, которая всегда указывала на север, сошла с ума. Она вращалась. Сначала медленно, рывками, а затем закрутилась сплошным размытым колесом, скрежеща по оси.

— Сломался, — купец ударил пальцем по стеклу. — Сломался, падла!

Он тряс компас, тяжело дыша, и охотник с первобытным ужасом увидел то, чего не могло быть.

Волосы на открытых предплечьях купца стояли дыбом, вытянувшись в струнку. Воздух вокруг них внезапно запах так, как пахнет в горах за секунду до удара сухой грозы — режущим ноздри озоном и жженым камнем.

Купец сделал шаг назад. Его грудь тяжело вздымалась. На шее, поверх распахнутого ворота рубахи, висел тяжелый медный крест. Охотник смотрел, как от земли, вопреки всякому смыслу, поднимаются сухие еловые иголки. Они плыли в густом, трещащем воздухе и намертво прилипали к медному кресту, к латунному компасу, к пряжкам ремня. Металл притягивал мертвую хвою, словно живой.

— Господи... — выдохнул купец, бросая компас. Прибор не упал в мох. Он ударился о землю и слегка подпрыгнул, словно оттолкнувшись от невидимой подушки.

Земля под ногами издала звук.

Это не был грохот землетрясения. Это был низкий, утробный стон невероятной мощи. Он шел не с гор. Он поднимался из непроглядных глубин, из-под гранитных плит, из-под корней мира.

Охотник упал на колени, выронив винтовку. Его глаза, полные лопнувших капилляров, расширились.

Мох между его пальцами начал расходиться. Почва трескалась, образуя тонкую, как паутина, сеть разломов. И из этих микротрещин, из самой глубины сибирской земли, ударил свет.

Холодный, невыносимо яркий, синевато-багровый свет. Он пульсировал, вырываясь наружу вместе с шипящим газом.

Охотник всегда смотрел в небо, выискивая признаки непогоды или гнева духов. Но небо над тайгой было чистым, бледным и абсолютно равнодушным. Смерть не падала сверху. Смерть просыпалась под его коленями.

Купец закричал. Широко открыв рот, срывая связки, он кричал прямо в лицо охотнику, но звука не было. Воздух стал настолько плотным от статического напряжения, что перестал передавать человеческий голос.

Свет из-под земли стал ослепительным. Синие искры побежали по стволам деревьев, поднимаясь к кронам.

Охотник не успел закрыть глаза. Он не успел вспомнить лица детей или произнести молитву. Время, растянувшееся в вязкую смолу, внезапно схлопнулось.

Пространство разорвалось.

Колоссальный плазменный жгут пробил земную кору. Он вырвался из литосферы с такой скоростью и температурой, что влага в телах охотника, купца и собак испарилась за тысячную долю секунды, прежде чем нервные окончания успели передать в мозг сигнал о боли. Биологическая ткань просто перестала существовать, превратившись в атомарную пыль, втянутую в восходящий поток.

Слепящий столб энергии ударил в стратосферу, прошивая атмосферу насквозь.

На высоте десяти километров воздух, мгновенно раскаленный до температуры в тысячи градусов, расширился. Образовалась термоакустическая волна чудовищной плотности. Не найдя выхода в вакууме космоса, она обрушилась вниз, к земле.

Удар.

Два миллиона гектаров вековой тайги легли одновременно. Сосны и лиственницы, выдержавшие сотни зим, ломались у основания, как сухие спички, и падали кронами наружу от эпицентра, образуя идеальный, математически выверенный радиальный узор. Гигантскую бабочку из мертвого дерева.

Плазменный канал мигнул и исчез, втянувшись обратно в недра.

Взметнувшаяся в небо пыль начала медленно оседать на выжженную, остекленевшую землю. Не было ни кратера. Ни осколков космического камня. Ни единого следа небесного вмешательства.

Над мертвой зоной повисла абсолютная, звенящая тишина.

Механизм сработал штатно. Напряжение было сброшено. Земля снова уснула.

На сто лет.

Пока напряжение снова не начало медленно накапливаться в глубине сибирской платформы.

Глава 2. Синхронизация

Серверная стойка в углу кабинета издала короткий, сухой шелчок. Следом изменилась тональность охлаждающих кулеров — звук перешел из ровного гудения в напряженный, вибрирующий вой.

Илья Архипов сидел в темноте. Единственным источником света оставался широкий монитор, заливавший его лицо мертвенно-синим сиянием. Воздух в кабинете был спертый, пах старой бумагой, озоном от перегретой электроники и остывшим черным чаем.

На экране мигал входящий пакет данных. Защищенный канал, отправитель — Европейское космическое агентство, Женева. Телеметрия со спутниковой группировки «Swarm», отслеживающей магнитное поле Земли.

Архипов навел курсор на архив. Кликнул.

Программа-дешифратор на секунду зависла, переваривая терабайты сырой информации, а затем выплюнула на экран трехмерную модель Сибирской платформы. Поверх топографической сетки ползли графики теллурических токов.

Правая рука Архипова, лежавшая на мыши, мелко задрожала.

Тремор начался от запястья и быстро поднялся к локтю. Это была старая реакция. Физиологическое эхо 2008 года, когда он точно так же смотрел на сейсмограммы перед землетрясением, унесшим тысячи жизней. Архипов медленно убрал руку со стола и сунул в карман потертых вельветовых брюк. Сжал кулак с такой силой, что ногти впились в ладонь до боли. Физическая боль возвращала контроль.

Он всмотрелся в цифры.

Кривые на графике больше не были линейными. Они изгибались, образуя идеальную, математически безупречную параболу, уходящую в красную зону. Литосфера под Тунгуской не просто накапливала заряд. Она захлебывалась им. Объект «КРАТОН-1» — гигантский природный конденсатор, интегрированный в мантию — достиг предела емкости.

Архипов не почувствовал страха. Только мрачное, тяжелое удовлетворение. Он был прав. Все эти годы, пока его называли маргиналом и параноиком, он был прав. Планета — это механизм. И сейчас в этом механизме сорвало предохранительный клапан.

Он вытащил из системного блока зашифрованную флешку. Снял со спинки стула старый, выцветший на локтях пиджак. Таймер был запущен.

Зал заседаний Межведомственной комиссии пах дорогой кожей, полированным деревом и статусным парфюмом. Акустика здесь была выстроена так, чтобы глушить любые резкие звуки, превращая голоса в мягкий, успокаивающий гул.

— ...таким образом, предлагается создание рабочей подгруппы для мониторинга геомагнитной обстановки в Эвенкийском районе, — монотонно зачитывал Председатель комиссии Лебедев, не отрывая взгляда от планшета. — Срок подготовки первичного отчета — третий квартал текущего года. Финансирование в рамках...

— Нерелевантно, — голос Архипова прозвучал тихо, но разрезал вязкую атмосферу зала, как скальпель.

За столом повисла тишина. Десять чиновников высшего ранга синхронно повернули головы к сутулому человеку в старом пиджаке, стоящему у проектора.

— Простите, Илья Давидович? — Лебедев нахмурился, снимая очки. — Что именно вы считаете нерелевантным? Процедуру согласования?

— Ваш календарь, — сухо ответил Архипов. Он нажал кнопку на пульте.

Экран за его спиной вспыхнул. На белом фоне появились два графика.

— Слева — реконструированная модель электромагнитного напряжения в Сибирском кратоне на май 1908 года. Справа — данные со спутников «Swarm», полученные мной сорок минут назад.

Архипов не повышал голоса. Он говорил рублеными, короткими фразами, словно диктовал протокол вскрытия.

— Итак рост напряжения экспоненциальный. Структура работает как пьезоэлектрический генератор колоссальной мощности. В 1908 году разряд ушел в ионосферу, вызвав термоакустический удар, поваливший лес на площади в две тысячи квадратных километров. Сегодня мощность накопленного заряда выше на тридцать два процента.

Лебедев потер переносицу. Он не был злодеем или идиотом. Он был администратором, чья задача — не допускать паники и нецелевого расхода бюджета.

— Илья Давидович, мы уважаем ваши заслуги, но давайте без лирики про Тунгусский метеорит. Мы говорим о магнитных аномалиях. Вы просите экстренную переброску тяжелой техники, буровых установок и военных вертолетов в тайгу. Без прецедента. Без утвержденного регламента. Это миллиарды рублей.

— Если разряд произойдет в текущих условиях, — Архипов проигнорировал слова о деньгах, — плазменный жгут пробьет атмосферу на ширину до шестисот километров. Электромагнитный импульс выжжет всю микроэлектронику на территории Евразии. От Лиссабона до Владивостока.

Он обвел взглядом сидящих за столом. Никаких эмоций. Только холодная констатация.

— Статистическая погрешность выживаемости энергосетей — ноль. В первые три минуты после разряда упадут все гражданские борты, находящиеся в воздухе над континентом. Это примерно две тысячи самолетов. Навигация перестанет существовать. Трансформаторные станции расплавятся. Вы не создадите рабочую подгруппу в третьем квартале, Лебедев. В третьем квартале вы будете греться у костра из собственных отчетов.

В зале стало физически холодно. Кто-то из чиновников нервно кашлянул.

— Это теория, — жестко сказал Лебедев, хотя в его голосе появилась неуверенность. — У нас нет доказательств неминуемости...

— В две тысячи восьмом году у вас тоже не было доказательств.

Слова упали на стол тяжелыми камнями. Лебедев побледнел. Все присутствующие знали, о чем речь.

Архипов сделал шаг вперед. Его правая рука была надежно спрятана в кармане.

— У меня есть точные координаты эпицентра. Уцелевшие советские скважины проекта «Глубина-Т». Если мы спустим туда заземляющие стержни и дадим контр-импульс в противофазе, мы сможем сбросить напряжение структуры. Размазать его по коре. Мне нужна группа. Пять человек. Оборудование и транспорт. Сегодня.

— Это невозможно процессуально, — начал один из заместителей. — Требуется санкция...

— Если через час я не получу подписи, — перебил Архипов, глядя прямо в глаза Лебедеву, — я отправляю пакет данных ЕКА в открытый доступ. С моим анализом. Завтра утром индекс Доу-Джонса рухнет. Мировые рынки остановятся. Страховые компании начнут блокировать полеты. Вы потеряете триллионы еще до того, как ударит разряд. И отвечать за это будете вы.

Он замолчал. В абсолютной тишине было слышно только гудение кондиционера. Архипов стоял неподвижно, как черная тень на фоне пылающих красным графиков. Он не блефовал, и они это поняли. Ему было плевать на их карьеры, на их деньги и на свою собственную жизнь. Он пришел забрать свое право на искупление.

Лебедев тяжело вздохнул, взял стилус и придвинул к себе электронный планшет.

— Экспедиция «Вектор-7». У вас сутки на сборы, Архипов.

Лаборатория Института мозга пахла хлоргексидином, озоном и горьким эспрессо. Холодный люминесцентный свет заливал стальные столы и ряды мониторов.

Елена Веснина сидела с идеально прямой спиной. На ней был безупречно белый халат, волосы стянуты в тугий узел на затылке. Лицо, лишённое косметики, напоминало античную маску — спокойное, симметричное, непроницаемое.

Она потянулась к бумажному стаканчику с кофе.

Пальцы правой руки внезапно дрогнули. Стаканчик дернулся, темная жидкость плеснула на край стола. Тремор. Мелкий, высокочастотный, неконтролируемый.

Веснина не изменилась в лице. Она не испугалась, не отдернула руку. Она просто посмотрела на свои пальцы с холодным, клиническим интересом. Левой рукой она жестко перехватила правое запястье, сдавив сухожилия, пока дрожь не утихла.

«Ранняя симптоматика. Дегенерация миелиновых оболочек. Нарушение синаптической передачи», — сухо зафиксировал ее мозг. Это была не просто болезнь. Это был генетический приговор, тот самый, что три года назад превратил мозг ее младшей сестры в кашу, заставив ту выйти в окно.

Веснина вытерла стол салфеткой. Эмоции — это просто выброс кортизола. Страх — реакция миндалевидного тела. Если ты понимаешь химию процесса, он теряет над тобой власть.

Она перевела взгляд на мониторы. На экранах были открыты десятки медицинских карт. Пациенты: эвенкийские охотники, вахтовики, метеорологи из квадрата Подкаменной Тунгуски.

Симптоматика совпадала до пугающих деталей. Хронические мигрени. Пространственная дезориентация. И сны. Одинаковые сны о падающих геометрических фигурах и гудящей земле. Местные врачи списывали это на массовый психоз или отравление тяжелыми металлами.

Веснина знала лучше.

Она вывела на левый экран ЭЭГ — электроэнцефалограмму спящего охотника, доставленного в райцентр неделю назад. Кривая мозговой активности пульсировала в странном, неестественном ритме.

Дверь в лабораторию открылась без стука.

Веснина не вздрогнула. Она уловила запах старой шерсти и едва заметный аромат табака.

— Мне нужны медицинские допуски на команду, Елена Викторовна, — раздался сухой, скрипучий голос Архипова. — Мы вылетаем завтра утром.

Веснина медленно развернулась в кресле. Архипов стоял в дверях, сутулый, с глубокими тенями под глазами. В его позе читалось нетерпение человека, которому мешают работать.

— Вы их не получите, Илья Давидович, — ровным, гипнотически спокойным голосом ответила она.

Архипов нахмурился. Его правая рука инстинктивно нырнула в карман пиджака. Веснина заметила это движение. Она замечала всё.

— Потрудитесь объяснить. У меня нет времени на бюрократию.

— Это не бюрократия. Это физиология. — Веснина указала на мониторы. — Подойдите.

Архипов нехотя приблизился. От него исходило напряжение туго скрученной пружины.

— Что это? — он посмотрел на левый экран.

— ЭЭГ человека, спящего в шестидесяти километрах от вашего эпицентра, — Веснина нажала несколько клавиш. На правом мониторе появился график, который Архипов час назад показывал на комиссии. График магнитных пульсаций КРАТОНА-1.

— А теперь смотрите.

Она запустила программу наложения. Две кривые линии — биологическая и геологическая — поползли навстречу друг другу. Красная линия тектонического напряжения и зеленая линия человеческого мозга.

Архипов замер. Его дыхание на секунду остановилось.

Линии совпали. Идеально. Пик к пику. Впадина к впадине.

— Сверхнизкие частоты, — тихо, почти ласково произнесла Веснина, описывая абсолютный кошмар. — Структура под тайгой генерирует электромагнитное поле на частоте от четырех до восьми герц. Это тета-ритм. Частота глубокого транса. Ваша аномалия не просто накапливает энергию, Илья Давидович. Она работает как гигантский планетарный кардиостимулятор для коры головного мозга. Она принудительно переписывает нейронные связи всех, кто находится в радиусе поражения.

Архипов молчал, неотрывно глядя на слившиеся графики. Макрокосмос и микрокосмос только что схлопнулись в одну точку. Земля не просто вибрировала — она диктовала людям, как им мыслить.

— Их одинаковые сны — это не мистика, — продолжила Веснина клиническим тоном. — Это аппаратный сбой. Мозг пытается интерпретировать электромагнитное вторжение через универсальные визуальные архетипы. Если вы отправите туда своих людей, их гиппокамп начнет разрушаться на третьи сутки. Они потеряют способность ориентироваться в пространстве. На пятые сутки начнутся галлюцинации. Они сойдут с ума раньше, чем дойдут до буровых скважин.

Архипов медленно повернул к ней голову. Его глаза были холодными, как лед.

— Итоговые мысли, Елена Викторовна. Что вы предлагаете? Отменить экспедицию?

Веснина посмотрела на него. Два хищных, сломанных интеллекта оценивали друг друга в стерильном свете лаборатории. Архипов искал смерть, чтобы спасти миллионы. Веснина искала электромагнитный шторм, способный выжечь ее генетическую предрасположенность к безумию. Радикальная терапия в эпицентре конца света.

Она аккуратно сложила руки на коленях, пряча невидимый тремор.

— Я еду с вами.

Глава 3. Зона отчуждения

Ветер на подмосковном аэродроме пах авиационным керосином и мокрым бетоном. Он рвал полы штормовок, глушил слова, но капитан Ковалев говорить тихо не умел. Его голос, тяжелый и ровный, легко перекрывал низкий гул прогревающихся турбин транспортного Ми-8.

— ...Шаг в сторону без приказа — расцениваю как саботаж. Потеря снаряжения — трибунал, если доживете. Никакой самодеятельности. Ваши научные степени здесь ничего не весят. Весят только килограммы, вода и дисциплина. Вопросы?

Ковалев обвел группу тяжелым взглядом. Он привык оценивать людей как механизмы: где тонко, где порвется под нагрузкой. Сейчас он видел перед собой набор критических уязвимостей.

Биолог Штерн нервно кусал губы. Его новенькая, слишком дорогая экипировка сидела на нем нелепо, как на манекене. Он часто закивал, пряча руки в карманы от холода. Порвется первым.

Инженер Бауман стоял, привалившись к штабелю алюминиевых ящиков. В зубах зажата неизменная спичка. Лицо обветренное, помятое, в глубоких складках у рта — вьевшаяся грязь или мазут. Бауман смотрел исподлобья, всем своим видом показывая, что плевать он хотел на уставы, но работу свою сделает. Этот не порвется. Этот просто в какой-то момент откажет, как старый дизель.

Взгляд Ковалева споткнулся о Веснину. Нейробиолог стояла идеально прямо, не ежась от пронизывающего ветра. На лице — ни грамма косметики, ни тени эмоций. Она смотрела на капитана не как на командира, а как на интересный клинический случай. Препарировала взглядом. Ковалев стиснул челюсти. От нее веяло холодом, который пугал его больше, чем предстоящая высадка.

И, наконец, Архипов.

Геофизик вообще не смотрел на Ковалева. Сутулый, в затертой куртке, он гипнотизировал циферблат своих часов. Правая рука Архипова, спрятанная в карман, едва заметно подрагивала. Для него этот инструктаж был белым шумом. Статистической погрешностью, отнимающей время.

— Повторяю для глухих, — Ковалев сделал шаг к Архипову. — В зоне решаю я.

Архипов медленно поднял глаза. В них не было ни вызова, ни страха. Только абсолютная, нечеловеческая пустота.

— Нерелевантно, капитан. Мы теряем окно стабильности ионосферы. Погрузка.

Ковалев сглотнул вязкую слюну, подавив желание схватить ученого за грудки. Архипов не играл в альфа-самца, он просто констатировал факт: власть Ковалева здесь — иллюзия.

— По машинам, — сухо бросил капитан.

Началась погрузка. Чрево Ми-8 поглощало ящики с оборудованием, генераторы, мотки кабелей. Ковалев стоял у рампы, контролируя центровку веса. В логистике был порядок. В логистике был смысл. Пока он контролирует вес, никто не задохнется под завалами. Никто не умрет.

— Аккуратнее! — визгливый голос Штерна прорезал шум аэродрома. — Это оптика! Как хрусталь нести надо!

Бауман, чьи руки по локоть были в смазке, молча взял ударопрочный кейс Штерна за ручку и с размаху, намеренно жестко опустил его на рифленый металлический пол вертолета. Металл лязгнул. Штерн дернулся, словно ударили его самого.

— Ты что творишь, животное?! — биолог покраснел пятнами.

Бауман медленно перекатил спичку из одного угла рта в другой.

— Упало — значит, притяжение работает. Не ссы, ботаник. Железяка крепче твоих нервов.

— Отставить базар, — Ковалев шагнул между ними, глядя в планшет с накладными. Он перевел взгляд на гору личных вещей Штерна: три дополнительных кейса с реактивами и запасными линзами. Затем посмотрел на ящики с армейскими сухпайками, сиротливо стоящие на бетоне.

Перегруз.

— Бауман, — скомандовал Ковалев. — Выкидывай два синих кейса Штерна. Грузим сухпайки.

— Что?! — Штерн задохнулся от возмущения. — Вы не имеете права! Там уникальные образцы для симбиотического анализа! Илья Давидович!

Штерн обернулся, ища защиты у Архипова, но геофизик уже сидел внутри салона, пристегнувшись к откидному сиденью. Он даже не повернул головы.

— Вес, Штерн, — отрезал Ковалев. — Если мы застрянем там на неделю, ты свои линзы жрать будешь? Выполнять.

Бауман с кривой усмешкой вышвырнул кейсы биолога обратно на бетон. Штерн сжался, бросив на капитана взгляд, полный бессильной ненависти, и полез по трапу.

Рампа с гидравлическим шипением закрылась, отрезая серый свет подмосковного утра. В салоне загорелись тусклые плафоны. Запахло резиной, потом и страхом. Турбины взвыли, переходя на рабочий режим. Вертолет тяжело оторвался от земли.

Спустя шесть часов полета пейзаж в иллюминаторах превратился в бесконечную, однородную зеленую массу. Сибирская тайга. Ни дорог, ни рек, ни просек. Сплошной ковер, скрывающий под собой древнюю литосферу.

Ковалев сидел на откидном кресле прямо за переборкой кабины пилотов. Он методично проверял карабины на разгрузке. Щелчок. Еще один. Протокол успокаивал.

Внезапно вертолет содрогнулся.

Это не было похоже на обычную воздушную яму. Ощущение было таким, словно многотонная машина на скорости двести километров в час влетела в невидимую стиральную доску. Металл обшивки протяжно, болезненно застонал.

Ковалева бросило на ремнях. Бауман инстинктивно вцепился в страховочную сетку, его челюсти сжались так, что спичка сломалась пополам. Штерн мгновенно позеленел, его глаза расширились от ужаса — он вжался в кресло, судорожно хватая ртом воздух.

В салоне резко, до рези в глазах, запахло озоном. Как в грозу, только в десятки раз сильнее. Примесь авиационного керосина делала этот запах тошнотворным.

Волосы на открытых предплечьях Ковалева встали дыбом. Воздух затрещал от статического электричества. В зубах, прямо в старых армейских пломбах, возникла мелкая, зудящая вибрация. Инфразвук. Он проникал не через уши, он ввинчивался прямо в кости черепа.

Ковалев перевел взгляд на ученых. Веснина сидела с закрытыми глазами. Ее пальцы намертво вцепились в подлокотники, костяшки побелели, но лицо оставалось пугающе спокойным, словно она прислушивалась к тому, как паника распространяется по ее собственной нервной системе.

Архипов смотрел в иллюминатор. Его правая рука больше не дрожала. Геофизик наблюдал за тем, как гнется обшивка, с холодным, почти академическим интересом. Для него этот ад был просто эмпирическим подтверждением формул.

В наушниках Ковалева раздался треск внутренней связи. Голос командира экипажа был напряжен до предела, сквозь него прорывался отборный мат:

— ...мать! Отказ гироскопов! Питание скачет!

Ковалев отстегнул ремень и, преодолевая дикую тряску, ввалился в кабину пилотов.

Там царил хаос. На приборной панели горела гирлянда аварийных красных ламп. Пилоты, мокрые от пота, на одних рефлексах боролись с непокорной машиной, вцепившись в ручки управления.

— Доложите! — рявкнул Ковалев, хватаясь за переборку.

— Навигация ноль! — прохрипел второй пилот, не отрывая взгляда от стекла. — Компас сошел с ума! Нас тянет вниз, плотность воздуха как в киселе!

Это была не турбулентность. Это было искаженное магнитное поле, индуцирующее токи прямо в электронике вертолета. Купол КРАТОНА-1 не пускал их.

Вертолет резко провалился вниз на несколько десятков метров. Желудок Ковалева подкатил к горлу. В салоне сзади кто-то коротко вскрикнул — кажется, Штерн.

— Уходим под облака! — заорал командир экипажа. — Ищу визуальный ориентир! Держи шаг винта!

Машина клюнула носом и нырнула в густую, свинцовую облачность. На несколько секунд мир за стеклом исчез в серой пелене. Тряска стала невыносимой, заклепки на обшивке скрипели, готовые выстрелить. Ковалев смотрел на напряженные спины пилотов, и его накрывало ледяное, парализующее осознание.

Его инструкции здесь — мукулатура. Он не может приказать гравитации. Он не может расстрелять магнитное поле. Он больше ничего не контролирует.

Вертолет с ревом вырвался из-под нижней кромки облаков.

Тряска немного стихает, переходя в ровную, тяжелую вибрацию. Ковалев, тяжело дыша, заглянул через плечо командира на приборную панель.

Авиагоризонт был завален набок на сорок пять градусов, хотя машина летела ровно. Электроника была мертва. Но страшнее всего был старый, механический магнитный компас.

Его стрелка не дрожала. Она плавно, безостановочно и методично вращалась по кругу. По часовой стрелке. Секунда за секундой. Отмеряя время в мире, где больше не было ни севера, ни юга.

Ковалев медленно перевел взгляд в блистер.

Внизу, всего в паре сотен метров под брюхом вертолета, до самого горизонта расстилось бесконечное, абсолютно глухое зеленое море тайги. Идеально ровное. Ждущее.

Они были внутри. И назад их уже никто не заберет.

Глава 4. Пучности

Вибрация бронированного стекла передавалась на скулу, но Архипов не отстранялся от иллюминатора. Под брюхом Ми-8 тянулась Сибирская платформа — бесконечный, монотонный фрактал темно-зеленой тайги. Для обывателя это был просто лес. Для Архипова — верхний слой изолятора, скрывающего под собой колоссальную тектоническую плату.

Он смотрел вниз, не моргая, и ждал.

— Если вы посмотрите на плотность крон, — голос Штерна в наушниках шлемофона звучал суетливо, с характерным проглатыванием окончаний, — то заметите признаки масштабного хлороза. Это элементарно. Корневая гниль, вызванная агрессивным штаммом опенка темного. Грибница буквально высасывает...

— Нерелевантно, — сухо перебил Архипов, не отрывая взгляда от стекла.

— Я не это имел в виду! С точки зрения симбиотики...

Архипов отключил канал внутренней связи. Суета биолога была статистическим шумом.

Тайга внизу начала меняться. Сплошной ковер хвои разорвался. Сначала Архипов увидел одну пропелшину — идеально круглую, выжженную до серого камня поляну диаметром метров в двести. Затем вторую. Третью. Они выстраивались в строгий геометрический паттерн, тянущийся к горизонту. Природа не терпит идеальных кругов, она тяготеет к хаосу и асимметрии. Но то, что лежало под ними, не было природой.

Архипов мысленно наложил на этот узор сетку координат. Расстояния между центрами кругов совпадали до сантиметра.

Макро-киматика. Фигуры Хладни планетарного масштаба.

Его губы тронула едва заметная, холодная усмешка. Литосфера под ними уже вибрировала на сверхнизких частотах. Тектоническая плита работала как мембрана гигантского динамика. Эти мертвые круги были узлами стоячих волн — пучностями. В эпицентре каждого такого круга акустическая вибрация достигала такой амплитуды, что физически разрывала клеточные мембраны корней. Земля просто стряхивала с себя биологический мусор.

Его формулы, над которыми двадцать лет смеялись в академических кабинетах, сейчас лежали под ним, выжженные в камне. Механизм был жив. И он готовился к сбросу.

Вертолет внезапно дернулся. Двигатели взвыли, меняя тональность. В кабине пилотов тревожно замигали красные стробоскопы.

Архипов включил рацию и услышал сплошной мат командира экипажа.

— ...отказ гироскопов! Компас крутит, как в центрифуге! Борт 47, падаем, тяги нет!

Машину накренило. Невидимое магнитное поле, вырвавшееся из-под базальтового щита, скрутило навигационную электронику в узел. Вертолет тяжело, с надрывом, провалился в воздушную яму и с грохотом рухнул на границу одной из мертвых зон. Амортизаторы шасси жалобно лязгнули.

Рампа откинулась еще до того, как машина стабилизировалась.

— Пошли! Пошли вон! — орал бортмеханик, даже не пытаясь заглушить турбины. Его лицо было серым от животного ужаса. Он смотрел не на людей, а на приборную панель, где горели индикаторы критического сбоя всех систем.

Ковалев, двигаясь с механической четкостью, начал вышвыривать тяжелые пластиковые кофры с оборудованием прямо в высокую, жесткую траву. Бауман молча принимал их внизу. Штерн замешкался на аппарели, прижимая к груди кейс с микроскопами, и Ковалев просто вытолкнул его наружу ударом в плечо.

Архипов спустился последним. Он двигался размеренно, фиксируя каждую деталь.

Ковалев шагнул обратно к рампе, сложив ладони рупором:

— Борт 47! По протоколу вы обязаны ждать...

Он не договорил. Пилот рванул шаг-газ на себя. Вертолет, кренясь на правый борт и едва не зацепив лопастями верхушки мутировавших лиственниц, свечой ушел в серое небо. Он бежал. Цивилизация отторгала это место, выплевывая их, как инородные тела.

Звук винтов растаял неестественно быстро, словно его сожрало пространство.

И тогда на них обрушилась тишина.

Это было не просто отсутствие звука. Это было физическое давление. Тишина имела вес. Она вдавливала барабанные перепонки внутрь черепа, заставляя инстинктивно приоткрыть рот. В нормальном лесу всегда есть фоновый шум: шелест листьев, треск веток, гул насекомых, крики птиц.

Здесь не было ничего. Абсолютный биологический вакуум.

Архипов сделал первый шаг по серому, похожему на пепел мху. Подошва ботинка не издала ни звука. Воздух вокруг был густым, вязким, как кисель. Он пах старым железом, раскаленной медью и озоном — запах кварцевой лампы в операционной, умноженный в тысячу раз.

Волосы на предплечьях Архипова медленно поднялись. Статика. Разность потенциалов между землей и воздухом росла с каждой минутой. Земля под ногами работала как обкладка гигантского конденсатора.

Рядом судорожно втянул воздух Штерн. Биолог выронил кейс и схватился за лицо. Между его бледными пальцами толчками потекла темная кровь.

— Какого черта... — пробормотал Штерн, глядя на свои окровавленные ладони. Капля сорвалась с его подбородка и упала на серый мох, оставив идеально круглый, черный след.

— Давление среды, — сухо констатировал Архипов, глядя на него без тени сочувствия. — Капилляры не выдерживают инфразвукового фона. Дышите ртом. Реже.

— Занять круговую оборону! — голос Ковалева прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Капитан уже стянул с плеча карабин и водил стволом по периметру мертвой поляны. Его челюсти были плотно сжаты, глаза быстро сканировали застывшие, неестественно прямые стволы деревьев.

Архипов посмотрел на капитана с легким академическим интересом. Военный рефлекс. Попытка структурировать хаос через устав. Ковалев искал врага в кустах, не понимая, что враг — это сама геометрия пространства, в котором они стоят. От чего он собрался обороняться? От магнитного поля? От акустической волны?

— Оружие на предохранитель, капитан, — ровным тоном произнес Архипов. — Вы стреляете в пустоту. Нас здесь никто не ждет. Мы даже не раздражитель.

Ковалев бросил на него тяжелый, ненавидящий взгляд, но ствол не опустил.

— Бауман! — рявкнул капитан. — Связь с Томском. Немедленно. Зафиксировать координаты высадки и доложить о нештатном поведении борта.

Инженер, до этого мрачно жевавший незажженную спичку, кивнул. Он подтащил к себе тяжелый зеленый ящик армейской радиостанции. Его руки в вьевшемся мазуте двигались быстро и привычно. Бауман размотал антенну, затем достал толстый медный штырь заземления и с силой вогнал его в сухую землю.

Лязг металла о камень был единственным резким звуком в этом мертвом мире, но он не разлетелся эхом, а умер в метре от них, поглощенный пучностью.

Архипов подошел ближе, заложив руки за спину. Он наблюдал за действиями инженера со снисходительной иронией.

Бауман накиннул на шею наушники, щелкнул тумблером питания. Загорелась зеленая шкала. Грязные, мозолистые пальцы легли на верньеры настройки частоты.

Инженер покрутил ручку. Его обветренное лицо, изрезанное глубокими морщинами, оставалось непроницаемым. Он переключил диапазон. УКВ. Короткие волны. Длинные волны.

Архипов знал, что он там слышит. Точнее, чего не слышит. В эфире не было привычного белого шума, не было треска атмосферных разрядов или далеких обрывков радиопередач.

Пальцы Баумана замерли. Он нахмурился, сильнее прижимая один наушник к уху. Челюстные мышцы инженера напряглись. Он медленно перевел тумблер на аварийную частоту.

Ничего.

Только ровный, утробный, пульсирующий гул, проникающий сквозь мембраны динамиков прямо в кости черепа. Гул, от которого начинали ныть зубы. Теллурические токи КРАТОНА создавали электромагнитный фон такой плотности, что он работал как абсолютная глушилка. Человеческие технологии здесь были жалкими пластиковыми игрушками, брошенными в доменную печь.

Бауман сорвал наушники и с отвращением бросил их на серый мох, словно они были измазаны в чем-то мерзком. Он поднял тяжелый, исподлобья взгляд на Ковалева, затем перевел его на невозмутимого Архипова.

— Никто нас не услышит, — хрипло сказал инженер, выплевывая спичку. — Эфир мертв. Земля фонит так, будто мы стоим на крышке работающего реактора.

Глава 5. Тета-ритмы

Сумерки в зоне отчуждения наступали не как физическое явление, а как симптом. Свет просто выцветал, оставляя после себя тяжелую, пепельную взвесь, в которой вязли звуки. Абсолютная тишина тайги давила на барабанные перепонки с интенсивностью, вызывающей легкую тошноту — первый признак рассогласования вестибулярного аппарата.

Елена Веснина сидела на алюминиевом ящике с медикаментами, методично протирая спиртовой салфеткой мембрану стетоскопа. Запах антисептика был единственным островком стерильности в этом океане гниющей хвои и древней сырости.

В десяти шагах от нее, в круге резкого белого света от налобного фонаря, суетился Марк Штерн. Биолог сидел на корточках перед портативным электронным микроскопом. Его дорогое, с иглочки, экспедиционное снаряжение уже покрылось пятнами грязи, но он этого не замечал. Он дышал так, словно пробежал марафон: коротко, рвано, с легким присвистом.

Веснина убрала салфетку, встала и бесшумно подошла к нему. Это была ее работа — мониторинг биологических показателей группы.

— Дайте запястье, Марк Эмильевич, — ровным, лишенным интонаций голосом произнесла она.

Штерн вздрогнул, едва не опрокинув предметное стекло. Его бегающий взгляд сфокусировался на Весниной не сразу. Зрачки были расширены — классический выброс адреналина.

— Елена Викторовна... вы должны это увидеть, — забормотал он, игнорируя ее протянутую руку. Он схватил ее за рукав штормовки; Веснина аккуратно, но непреклонно высвободила ткань. — Это... это переворачивает всю симбиотику. Понимаете? Всю!

— Запястье, — повторила она.

Штерн машинально протянул руку. Веснина нащупала пульс. Сто десять ударов в минуту. Тахикардия.

— Посмотрите в окуляр, — требовательно, с истеричной ноткой в голосе произнес биолог. — Я взял срез почвы с глубины в пятнадцать сантиметров. Там гранитное крошево и кварц. Органики ноль. Но грибница... гифы... они не просто оплетают камни.

Веснина наклонилась к окуляру. В холодном диодном свете на мониторе пульсировала сплетенная сеть ослепительно-белых нитей. Они выглядели не как растительная ткань. Они выглядели как обнаженные нервные волокна, вживленные в неорганику. Грибница буквально впаивалась в микротрещины кристаллов кварца, образуя уродливый, невозможный с точки зрения классической биологии интерфейс.

— Они питаются не гниением, — Штерн нервно облизал пересохшие губы. В его голосе звучало тщеславие человека, который уже мысленно пишет нобелевскую речь. — Они питаются электричеством. Бактерии-литотрофы на концах гифов работают как переходники. Лес — это не флора, Елена. Это оптоволокно. Матрица. Мы идем по сплошному, оголенному нерву.

Веснина отстранилась от микроскопа. Штерн видел в этом триумф науки. Веснина, как нейробиолог, видела в этом паразита, который подключился к материнской плате планеты. И этот паразит прямо сейчас считывал химический состав их пота, температуру их тел и вибрацию их шагов.

— Пульс сто десять. Дыхание поверхностное, — сухо констатировала она, доставая из кармана блистер. — Выдавливаете из себя кортизол ведрами. Возьмите гидазепам. Одна таблетка под язык.

— Вы не понимаете масштаба... — начал Штерн, повышая голос.

— Я понимаю физиологию, Марк. Если вы не выспитесь, завтра ваш гиппокамп начнет сбивать из-за недостатка кислорода. Пейте. Это приказ врача.

Она не стала дожидаться, пока он проглотит таблетку. Развернулась и ушла к своей палатке. Ей не нужен был его восторг. Ей нужна была стабильная биохимия команды.

Ночью температура упала, но холод не был главной проблемой.

Веснина лежала в спальном мешке на спине, идеально ровно, сложив руки на груди. Глаза были открыты. Внутри палатки стояла абсолютная, непроницаемая тьма.

Сон не шел. Ее мозг, привыкший анализировать патологии, сейчас с пугающей ясностью фиксировал изменения в окружающей среде.

Это началось около двух часов ночи. Вибрация.

Она не слышалась ушами. Она передавалась тактильно — через промерзшую землю, через пенку каремата, проникая прямо в остистые отростки позвонков. Низкочастотный, густой резонанс.

Веснина медленно вытащила руку из спальника, нащупала бегунок молнии и бесшумно потянула его вниз. В образовавшуюся щель проник тусклый синеватый свет.

В десяти метрах от палаток, на пустом ящике из-под оборудования, сидел Илья Архипов. Он не спал. Он вообще не двигался, напоминая окоченевший труп, забытый на морозе. Его лицо освещалось только экраном портативного механического сейсмографа, стоящего на коленях.

Веснина прищурилась. Игла прибора, оставляющая след на термобумаге, двигалась. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз.

Это не был хаотичный тремор тектонических плит. Это была идеальная, математически выверенная синусоида. Земля под ними вздымалась на доли миллиметра и опускалась обратно с ритмичностью легких гигантского животного. Вдох. Выдох.

Архипов смотрел на эту линию не отрываясь. Веснина знала этот взгляд — так смотрят терминальные больные на монитор жизнеобеспечения, ожидая, когда кривая станет прямой. Геофизик был безумнее их всех. Он пришел сюда не исследовать. Он пришел сюда умереть, и теперь просто сверял часы с палачом.

Внезапно вибрация в позвоночнике Весниной изменила тональность. Она стала плотнее, тяжелее. Воздух в палатке приобрел привкус статического электричества и железа.

Веснина почувствовала, как ее веки наливаются свинцом. Это не было естественным засыпанием. Это было похоже на действие внутривенного наркоза — грубое, принудительное отключение коры головного мозга. Внешнее электромагнитное поле просто подавило ее собственные нейронные ритмы, заталкивая сознание в темную, давящую пустоту.

Она провалилась в кошмар.

Утро было серым, как грязный бинт. Небо затянуло плотной пеленой, сквозь которую не пробивался ни один луч солнца.

Веснина сидела на раскладном стуле, разложив на крышке кейса стерильные салфетки, жгуты и вакуумные пробирки. Утренний медосмотр. Процедура, которая должна была сохранять иллюзию контроля.

Капитан Ковалев сидел напротив нее. Его обычно каменное лицо осунулось, приобретя землистый оттенок. Он методично, с силой тер виски массивными пальцами.

— Головная боль напряжения? — спросила Веснина, затягивая жгут на его предплечье.

— Нормально, — хрипло бросил Ковалев. Он избегал смотреть ей в глаза. Военная выправка давала сбой: его плечи были напряжены так, словно он ожидал удара сверху.

— Я фиксирую мышечную ригидность и тремор, капитан. Что вы видели ночью?

Ковалев промолчал, стиснув челюсти. Веснина ввела иглу в вену. Темно-бордовая кровь толчком заполнила пробирку.

В этот момент из-за вездехода выскочил Штерн. Он выглядел так, словно его пропустили через центрифугу. Волосы всклокочены, куртка застегнута криво. Он подбежал к ним, тяжело дыша.

— Вы... вы тоже это видели? — выпалил он, переводя безумный взгляд с Ковалева на Веснину. — Скажите мне, что я не один!

Ковалев медленно поднял на него тяжелый взгляд.

— Успокойся, биолог.

— Я не успокоюсь! — голос Штерна сорвался на фальцет. Он замахал руками, пытаясь описать неопишное. — Это не был обычный сон. Там не было людей. Не было сюжета. Только... векторы. Бесконечные черные кубы и фракталы, сдвигающиеся под прямыми углами. И давление. Господи, какое там было давление! Словно на грудь положили бетонную плиту в сотни атмосфер. Там был абсолютный ноль. Я чувствовал, как меня расплющивает между плоскостями!

Ковалев закрыл глаза и едва заметно кивнул. Его проняло. Военный, привыкший к понятным угрозам вроде огня или пуль, столкнулся с математическим ужасом, против которого не было инструкций.

— Это контакт, — зашептал Штерн, хватаясь за голову. — Ноосфера. Планета пытается с нами говорить. Она транслирует нам свою структуру...

— Закатайте рукав, Марк Эмильевич, — голос Весниной разрезал его истерику, как скальпель гнойник. Холодный, ровный, лишенный малейшего намека на сочувствие.

Штерн осекся.

— Что?

— Рукав. Мне нужна ваша кровь. Сядьте.

Она силой усадила его на ящик, перетянула худую руку жгутом и вогнала иглу. Штерн зашипел от боли, но Веснина даже не моргнула. Она смотрела на то, как темная венозная кровь заполняет стекло на фоне мертвого, серого леса.

— Никакого контакта нет, Марк, — произнесла она с пугающей, гипнотической монотонностью. — И ноосферы тоже нет. Есть только физика и слабость нашего биологического железа.

— Но мы видели одно и то же! — попытался возразить Штерн. — Вероятность такого совпадения...

— Равна ста процентам, если источник излучения один, — отрезала Веснина. Она извлекла пробирку и прижала к месту прокола спиртовую салфетку. — Держите. То, что вы испытали — это электромагнитная наводка. Структура под нами генерирует волны сверхнизкой частоты. Диапазон от четырех до восьми герц.

Она повернулась к Ковалеву, который внимательно слушал ее, перестав тереть виски.

— Это частота тета-ритма человеческого мозга, — продолжила Веснина, читая лекцию двум напуганным мужчинам. — Фаза быстрого сна. Излучение литосферы настолько мощное, что оно пробило наши черепные коробки и принудительно синхронизировало наши нейроны со своим фоном.

— Но образы... кубы, давление... — пробормотал Штерн, теряя свою мистическую опору.

— Ошибка декодирования, — Веснина безжалостно добивала его теорию. — Ваш мозг получил мощный массив геофизических данных: тектоническое напряжение, пьезоэлектрику кварца, массу континентальной плиты. Зрительная кора не умеет обрабатывать такие сигналы. У нее нет для этого интерфейса. Поэтому она попыталась перевести телеметрию камня в понятные визуальные образы. Геометрия. Векторы. Ощущение многотонного веса. Это не послание, Марк. Это просто микроволновка, которая всю ночь грела ваш гиппокамп на медленном огне.

Штерн замолчал. Его плечи поникли. Веснина только что отобрала у него великий смысл, оставив взамен лишь унижительное осознание того, что человек — это просто кусок мяса с антенной, которую может взломать любой достаточно сильный магнит.

Ковалев шумно выдохнул, словно сбросив часть напряжения. Физика была ему понятнее мистики. Враг снова обрел материальные очертания.

Веснина отвернулась от них. Она сделала это. Она уничтожила их страх перед сверхъестественным, загнав его в рамки клинического диагноза. Она убедила их.

И, что самое главное, она почти убедила саму себя, что этот кошмар — не начало ее собственной, генетически запрограммированной шизофрении. Что это просто внешнее воздействие. Просто химия и волны.

Она аккуратно поставила пробирку с кровью Штерна в пластиковый штатив. Ее лицо оставалось абсолютно спокойным, похожим на безупречную посмертную маску. Идеальный врач. Идеальный контроль.

Затем она опустила взгляд.

Ее левая рука, свободно лежащая на крышке медицинского кейса, жила своей жизнью. Пальцы мелко, хаотично и совершенно неконтролируемо дрожали, выбивая дробь по твердому пластику.

Веснина смотрела на этот тремор, чувствуя, как внутри разверзается ледяная бездна. Гематоэнцефалический барьер был прорван. Зона уже была внутри нее, ломая нервную систему, и никакие медицинские термины больше не могли служить броней.

Маска дала трещину.

Глава 6. Эхо «Глубины-Т»

Лямки рюкзака с мобильным генератором вгрызались в плечи так, словно под брезентом лежала не электроника, а свинцовые чушки. Бауман тяжело, с присвистом выдохнул, перекачивая из угла в угол рта измочаленную спичку. Пот заливал глаза, едкий, как аккумуляторная кислота.

Лес вокруг сошел с ума.

Бауман всю жизнь работал с материалами. Он знал, как ведет себя дерево под нагрузкой. Сосна — это природный композит, она должна расти вверх, сопротивляясь гравитации. Но здесь, в зоне отчуждения, гравитация, похоже, ушла в отпуск. Стволы деревьев изгибались под немыслимыми углами в сорок пять градусов, закручиваясь по спирали, словно гигантские сверла, ввинченные в серое небо. Они образовывали уродливую, кривую клетку из деревянных ребер, через которую экспедиция продиралась уже третий час.

Вестибулярный аппарат Баумана орал благим матом. Глаза видели наклонные стволы, и мозг автоматически пытался выровнять тело относительно них, из-за чего земля казалась скошенной. Инженера мутило. Это было похоже на жесточайшую морскую болезнь, только без моря.

Впереди споткнулся Штерн. Биолог рухнул на колени, судорожно хватая ртом густой, пахнущий озоном и прелой хвоей воздух. Его дорогой экспедиционный костюм давно покрылся пятнами грязи. Бауман посмотрел на него сверху вниз, чувствуя глухое раздражение. Хлипкая конструкция. Предел текучести у этого парня оказался на уровне дешевого пластика.

— Стой, — глухо бросил Ковалев, поднимая сжатый кулак.

Капитан остановился у поваленного, скрученного винтом кедра. Его лицо покраснело, на скулах ходили желваки. Он в десятый раз за час достал армейский защищенный навигатор и уставился в экран.

Группа тяжело осела на землю. Бауман скинул генератор, с наслаждением расправляя затекшие плечи. Позвоночник хрустнул. Веснина молча прислонилась к дереву, достала флягу и сделала крошечный глоток. Ее лицо оставалось пугающе спокойным, словно она сидела на симпозиуме, а не в эпицентре геофизического ада.

— Мы отклонились на запад, — голос Ковалева прозвучал громче, чем требовалось. В этой ватной тишине он резанул по ушам. — Берем правее. Азимут девяносто.

Архипов, до этого молча изучавший кору ближайшего дерева, медленно повернулся. Геофизик выглядел так, будто вообще не устал. Его сутулая фигура казалась естественной частью этого кривого леса.

— Нерелевантно, — сухо произнес Архипов.

— Что вы сказали? — Ковалев выпрямился, убирая навигатор. В его тоне лязгнул металл.

— Я сказал, что ваши данные нерелевантны, капитан. Вы приказываете повернуть на запад, опираясь на прибор, который сейчас работает как генератор случайных чисел.

Ковалев шагнул к ученому. Бауман прищурился, машинально потянувшись к карману за новой спичкой. Назревал срыв резьбы.

— У меня военный GPS, Илья Давидович. Защищенный канал. Он показывает, что мы идем не туда.

Архипов даже не моргнул. Он опустил взгляд на землю, затем указал узким пальцем на ствол кедра.

— Посмотрите на мох. Он растет со всех сторон ствола равномерно. Магнитный тропизм нарушен. Корни деревьев считают блуждающие магнитные аномалии и закручивают стволы. А теперь посмотрите сюда.

Геофизик достал из кармана старый, потертый механический магнитометр в латунном корпусе. Стрелка под стеклом не просто отклонялась — она мелко, истерично дрожала, совершая полные обороты раз в несколько секунд, словно секундная стрелка сошедших с ума часов.

— Ионосфера над нами сейчас работает как гигантское зеркало, — монотонно, как на лекции, продолжил Архипов. — Ваш хваленый военный GPS ловит отраженный сигнал. Если вы доверитесь ему, то, согласно координатам, мы сейчас находимся где-то в районе Марианской впадины.

— Отставить лекции! — рявкнул Ковалев. Бас капитана ударил по нервам. — Я здесь командир. И я отвечаю за логистику и выживание. Мы идем по приборам.

Архипов спрятал магнитометр в карман. Его лицо оставалось маской холодного презрения.

— Командуйте, — тихо ответил он. Его спокойствие давило сильнее крика. — Только мы идем в эпицентр. А вы — в болото. Физике плевать на ваши погоны, Роман Андреевич.

Повисла тяжелая, звенящая пауза. Бауман видел, как побелели костяшки пальцев Ковалева, сжимающих навигатор. Капитан был человеком системы. Убери инструкцию — и внутри останется только паника. Сейчас Архипов методично, с математической точностью, выбивал из-под него последнюю опору.

Ковалев сжал челюсти так, что скрипнули зубы. Он посмотрел на Веснину, ища поддержки, но нейробиолог лишь равнодушно отвела взгляд, фиксируя его состояние как клинический симптом. Капитан молча сунул бесполезный кусок пластика в разгрузку и резким движением закинул рюкзак на спину.

Иерархия рухнула. Бауман сплюнул. Механизм управления экспедицией только что словил клина.

— Поднимаемся, — хрипло бросил инженер Штерну. — Шевели поршнями, ботаник.

Они шли еще около часа, ориентируясь исключительно по солнцу, мутно просвечивающему сквозь серую дымку. Воздух становился плотнее. Бауману казалось, что он дышит кислородом. Волосы на предплечьях встали дыбом от статического электричества.

Когда деревья расступились, открыв небольшую, идеально круглую поляну, заросшую густым папоротником, Бауман остановился первым.

Его взгляд профессионала мгновенно выцепил в зелени неестественную геометрию. Ржавый металл.

Инженер сбросил генератор в мох и, не дожидаясь остальных, медленно пошел вперед, раздвигая жесткие листья папоротника. Сердце застучало медленнее, тяжелее.

Это был советский двухзвенный гусеничный вездеход ДТ-30 «Витязь». Точнее, то, что от него осталось.

Бауман подошел вплотную и замер, чувствуя, как по спине ползет ледяная испарина. Он знал эту машину. Тридцать тонн легированной стали. Рама из коробчатых лонжеронов, способная выдержать прямое попадание из гранатомета.

Вездеход не подорвался на mine. Он не сгорел — на остатках брони четко виднелась выцветшая краска цвета хаки. Его убили иначе.

Крыша кабины была вдавлена в пол. Сплющена до уровня гусеничных траков. Металл сложился гармошкой, лопнув по сварным швам. Бауман провел мозолистой рукой по холодному, изломанному краю брони. В голове инженера автоматически запустился калькулятор. Предел текучести этой стали... Площадь кабины... Чтобы так смять конструкцию, нужно было равномерно приложить давление в сотни, мать его, атмосфер. Словно сверху опустилась плита гигантского гидравлического пресса размером с дом.

Но самое страшное было не в этом. Бауман оглянулся. Деревья, стоявшие всего в метре от раздавленной гусеницы, были абсолютно целы. Никакой взрывной волны. Никакого разлета осколков. Удар был нанесен с хирургической, нечеловеческой точностью.

Рядом бесшумно вырос Архипов. Геофизик окинул взглядом сплюснутый металл и удовлетворенно кивнул, словно увидел правильно решенное уравнение.

— Акустическая пучность, — негромко произнес Архипов. — КРАТОН сфокусировал низкочастотную сейсмическую волну. Эффект стоячей волны огромной амплитуды. Машину просто раздавило между вибрирующей литосферой и атмосферным столбом. Идеальная точность.

Бауман слотнул вязкую слюну. Если эта штука так мнет танковую броню, то что она сделает с человеческим телом, состоящим из воды и хрупких костей? От них даже мокрого пятна не останется. Просто красная пыль.

— Внутри кто-то был? — голос подошедшего Штерна дрожал. Биолог брезгливо жался в стороне.

Бауман не ответил. Он молча достал из бокового крепления рюкзака титановую монтировку. Подошел к тому месту, где когда-то была водительская дверь. Щель между сплюснутой крышей и порогом составляла не больше двадцати сантиметров.

Инженер всадил плоский конец монтировки в щель, навалился всем весом. Металл скрипнул, застонал, сопротивляясь, а затем с сухим треском лопнул заклинивший замок. Бауман отогнул искореженный лист двери.

Из нутра кабины пахло старой ржавчиной, машинным маслом и глубокой, многолетней затхлостью.

Бауман посветил фонариком внутрь. Тел не было. Тайга — кислая среда, она жрет кальций за милую душу. За шестьдесят лет от экипажа осталась только бурая, похожая на торф труха, ввевшаяся в остатки дерматиновых сидений.

Взгляд механика скользнул по смятой приборной панели и зацепился за треснувший пластиковый бардачок. Его заклинило между рулевой колонкой и полом. Бауман просунул руку в узкую щель, обдирая кожу на костяшках, ухватил что-то твердое и с силой рванул на себя.

На свет появился пластиковый планшет с зажимом. Под мутной, потрескавшейся пленкой лежал вахтенный журнал. Бумага пожелтела и пошла волнами от влаги, но пластик спас ее от полного гниения.

Команда обступила инженера. Даже Ковалев подошел ближе, тяжело дыша.

Бауман открыл журнал. Страницы слиплись. Он аккуратно, стараясь не порвать, подцепил грязным ногтем последний исписанный лист. Записи были сухими, техническими.

— «Семнадцатое августа», — хрипло начал читать Бауман. — «Скважина четыре. Прошли шестьдесят метров. Сломали три коронки. Порода не поддается классификации. Магнитичность зашкаливает, буровой раствор кипит».

Он перевел взгляд ниже. Почерк изменился. Если первые строки писал спокойный человек, то последние слова были выцарапаны химическим карандашом в спешке. Грифель в нескольких местах прорвал бумагу насквозь.

Бауман замолчал, вчитываясь в корявые буквы. Холодный пот тонкой струйкой потек по позвоночнику.

— Что там, Юрий Игнатьевич? — тихо спросила Веснина.

Бауман поднял голову. Он посмотрел на сплюснутый в фольгу вездеход, затем на кривые стволы деревьев, уходящие в серое небо. Впервые в жизни старый механик столкнулся с механизмом, логику которого он не мог постичь. И от этого ему стало по-настоящему, первобытно страшно.

Он захлопнул пластиковую обложку журнала. Звук разнесся в мертвой тишине поляны, как одиночный пушечный выстрел. Инженер медленно выплевывает изжеванную спичку,

смотрит на Архипова, затем переводит тяжелый взгляд на бесконечную стену кривых деревьев впереди.

— «Оно не живое», — повторил Бауман шепотом последнюю строчку. — «Но оно нас слышит». Вопрос в том, капитан, как громко мы сейчас топаем.

Глава 7. Сенсорная сеть

Воздух в тайге окончательно протух. Он больше не пах хвоей или прелой листвой — теперь это был тяжелый, металлический запах озона и статического электричества, от которого во рту постоянно пересыхало, а на языке оседал кислый привкус батарейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.